

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Моя жизнь — это поезд.
В лучшие мои моменты мне кажется,
что я им управляю.
В худшие я представляю себя пассажиром.
А иногда понимаю, что лежу на рельсах.
С просторов Интернета.*

— Вектор, спасай!
— У меня пара, вообще-то, — шипит он в трубку и голову пригибает, чтобы Тепеш* не заметил.

— Вик, прошу, без тебя никак!

* Тепеш — Влад Тепеш (Цепеш), румынский господарь в незапамятные годы, он же Дракула.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

— Говорю тебе, я на паре! — Хочется рывкнуть на эту куклу бестолковую, но орать шепотом он пока не научился.

— Перезвони мне! Выйди из аудитории и перезвони! Сейчас же! — безапелляционно, и короткие гудки.

Только она умеет так просить. Просьба в форме приказа — ноу-хау Надечки Соловьевой, будь она трижды проклята! Надо перезвонить, иначе не позднее, чем через минуту, его телефон снова завибрирует. Выключить? Не вариант, потом она его съест живьем. Оценивающий взгляд в сторону распинаящегося у доски, вошедшего в раж профессора кафедры экспериментальной физики Петра Викентьевича Теплова. Вышеуказанный преподаватель еще на втором курсе чрезмерно образованными студентами был переименован в Тепеша за скверный характер, который приписывали его надвигающемуся старческому маразму, и редкую придиричность, которая являлась фирменным знаком кафедры «экспериментальщиков».

Маразм маразмом, а всех студентов, посещающих его лекции, он помнил и поименно, и в лицо. Требовал стопроцентной явки на свои занятия и такой же стопроцентной дисциплины. В диспуты, впрочем, увлеченно втягивался, вот только дискутировать с ним дураков было мало, да и те быстро понимали, что спорить с Тепешем себе дороже, всё потраченное на дискуссию время будет безжалостно

ПОЗДНИЙ ЭКСПРЕСС

отнято от перемены. Он крайне не любил какого-либо движения в аудитории во время лекции, просто на дух не переносил. Да, а еще он был научным руководителем Виктора Баженова, то есть, Вектора.

Вектор вздохнул и тихо поднялся с места. Если выбирать между Надей и Тепешем, выбор очевиден. Петр Викентьевич ему, конечно, весь мозг выключает, но, в конце концов, он ценит своего студента. А вот Надька... лучше даже не представлять, что она с ним сделает, если он не поможет ее светлости, когда она в нем нуждается. И во что она там опять вляпалась?

— Баженов, это крайне бессердечно с вашей стороны лишать нас своего общества. — Реплика Тепеша нагнала его почти у самой двери аудитории.

— Извините... я... Мне действительно нужно выйти, Петр Викентьевич.

— У вас молодой здоровый организм. Даже я, в мои годы, могу выдержать полтора часа без клозета. А у вас что же — недержание? Или пирожные в столовой были несвежие?

Кое-кто сдержанно хихикнул. Всегда найдутся дураки, которым нравятся тупые шуточки.

— Я недолго, — бормочет Виктор, чуть ли не бегом покидая аудиторию.

Будь проклята Надька и ее капризы!

В коридоре Виктор набрал знакомый номер.

— Ну? — сердито и без предисловий бросил он.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

— Вик, встретить меня сегодня после занятий.

Он стоит в паре метров от двери лекционки, прижавшись затылком к стене и закрыв глаза. Он уже перестал сходить с ума по ее голосу, но рецидивы случаются. Как сегодня, например. Если закрыть глаза и отвлечься от того, что она говорит, можно представить, что этот нежный голосок принадлежит его девушке. Любимой девушке.

— Вик, ты меня слышишь? Встретишь меня?

Встретить? Ну-ну... Стандартная схема. Очередной неутомонный поклонник, который не может сказать слово «нет». Когда она уже научится таких загодя вычислять, до того, как они становятся невменяемыми?

— К котором часу? — вздыхает Виктор.

— В три. Можно минут десять четвертого.

— Я не могу. Не успею. У меня еще сегодня стрелка с научным руководителем.

— Ви-и-ик...

— Ну, правда, никак не получается.

— Витюша-а-а...

Вот коза! Знает ведь, что он терпеть не может когда его так называют! И нарочно...

— Надь, ну у меня же есть свои дела. Ты же знаешь моего научного...

— А ты знаешь, что кроме тебя мне не к кому обратиться!

— Надя, ну я ж не палочка-выручалочка!

ПОЗДНИЙ ЭКСПРЕСС

— Витенька-а-а... Пожалуйста-а-а... Ты же знаешь, я только тебя могу попросить! Витюш, ну будь другом, а? Витюша-а-а-а...

ЗАРАЗА!!!

— Я попробую.

— Обожаю тебя! — звонко и радостно. — Только, Вик, оденься попримечнее, ладно? А не как обычно. Всё, целую, до встречи!

И в ухо короткие гудки. Так всегда. Просит в форме приказа. В этом вся Надька. Его головная боль, просто боль и безответная любовь последних трех лет. Иногда ему кажется, что она была с ним с рождения, течет ядом в крови. Тем самым ядом, который отравляет жизнь, но его отсутствие в кровотоке убьет мгновенно.

Виктору нужно объяснить с Тепешем. В конце концов, он же его любимый ученик, тот еще его покойного деда Миллера знал. Однако, скидок на это Вику не делалось, скорее, наоборот. Вообще, история обретения Виктором такого научного руководителя была драматична и забавна одновременно. Он не успел на распределение по научным, благодаря всё той же стерве Надьке! В итоге его отдали Теплову, от которого шарахались все здравомыслящие люди в институте. А тут Баженов, самая светлая голова на факультете — и досталась этому монстру. Сам Вик тоже был не в восторге, решил про-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

сидеть зав. кафедрой о пересмотре распределения, пока не поздно, имел все основания думать, что ему пойдут навстречу. Хотелось в научные кого-то помолже, с интересной и перспективной темой исследований. Заведующего на месте не было, а вот Теплов был. И как-то так получилось... Слово за слово, пока он ждал зав. кафедрой, они разговорились с Петром Викентьевичем. И Баженов, сам не понимая почему, передумал. Не в знакомстве с дедом же дело было? Наверное, правда была в том, что он пожалел старого преподавателя, к которому никто из студентов не хотел идти. Ну и дураки они все были! Башка у Тепеша работала о-го-го как, не у всех молодых так шарик в голове крутится. Под маразматика он косил только тогда, когда ему это было выгодно. Крайне умный, хитрый и вредный, даром что профессор. А еще страстно, как ребенок, любил подарки, причем цена не играла решающей роли, главным был сам акт дарения, внимания ему, профессору Теплову. Эмпирическим путем Вик выяснил, что больше всего Тепеш ценил подарки гастрономические, и отнюдь не в виде крови студентов, как можно было бы предположить. Разнообразные деликатесы были тайной страстью старика, а сладости в их числе — первые.

Виктор ринулся в магазин.

Именно с помощью коробки неплохого бельгийского печенья, шоколадного, с орехами pekan, купленной в ближайшем супермаркете, Виктору,

ПОЗДНИЙ ЭКСПРЕСС

в конце концов, удалось договориться с Петром Викентьевичем. Правда, ему тут же выдали кучу материалов для самостоятельного изучения, но хоть отпустили с миром. Переодеться, дабы выглядеть прилично, как госпожа велела, он всё равно уже не успевал. Ну, никак не получается угодить сегодня всем.

Он выпрыгнул на остановке из троллейбуса, прижимая к уху телефон.

— Ты где?

— На парковке перед главным корпусом! — прошипела Надежда. — Где тебя черти носят?

— Парковка большая...

Он ринулся через прохожих к стоянке машин.

— Ищи белый «мерседес-кабриолет», не ошибься!

Ой, белый «мерседес-кабриолет»... Как всё запущено-то...

Искомое нашлось быстро. Мизансцена: тот самый автомобиль, его, видимо, обладатель, под стать своему «жеребцу», весь в светлом и преисполнен собственной значимости, и Ее Высочество Надин Соловьева.

Надин. Надежда. Надюша. Надька. Надя. Сто шестьдесят четыре сантиметра совершенства. Хотя она такого роста бывала редко — каблуки были неотъемлемой частью ее облика. Вот и сейчас, как все-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

гда, безупречна. Платье какого-то невообразимого оттенка — нечто среднее между светло-голубым и светло-зеленым, тонкий черный лаковый ремешок на талии, такого же цвета лаковые лодочки и сумочка. Волосы сегодня гладко зачесаны назад, хотя ему безумно нравилось, когда они локонами рассыпались по плечам.

В общем, крайне эффектная и крайне сердитая барышня. Она ему улыбнулась, а в глазах — синие разряды гневного электричества.

Она взяла его за руку.

— Виктор, милый, наконец-то! — Тон игривый, но явно лживый.

— Привет. — Он всё-таки слегка запыхался.

— Этот, что ли? — Третий-пока-не-лишний, высокий, почти одного с ним роста, накачанный пиджон, смерил Виктора презрительно-недоверчивым взглядом.

— Да. — Надя прижалась к Виктору, и ему пришлось ее обнять.

Упиваться ощущением близости ее тела Виктор себе запретил: солдат на службе.

— Познакомься, Артур, это Виктор — мой жених.

Пауза, еще один взгляд, всё такой же презрительный, с оттенком недоумения. Артур засмеялся громко, на публику.

— Ох, насмешила! Этот? Твой жених?

— Да! — Надя горделиво вздергивает подбородок, одновременно пребольно ущипнув Виктора за бок.

ПОЗДНИЙ ЭКСПРЕСС

Раба начали наказывать.

— А в чем, собственно, дело? — Виктор демонстративно спокоен, и взгляд его — прямой, в глаза.

Еще один взрыв смеха, на сей раз — почти искреннего.

— Ты себя видел? Где ты и где Надя?

Ну, положим, видел себя. Утром, в зеркале, когда брился. Нормально выглядел утром. Правда, день выдался сегодня суматошный. Откровенно говоря, принц на белом «мерседесе» был прав. Смотрелись Надя с Виктором вместе... странно. Безупречно одетая, с идеальным макияжем, выжавшая все сто двадцать процентов из своих и без того весьма нескучных природных данных, Надин. И Вик... Из приличного на нем были только часы — серебристые «Rado» на запястье — никак не сочетающиеся с красной в зеленую клетку рубашкой. Это подарок отца. Часы едва выглядывают из-под обтрепанной манжеты. Джинсы как джинсы, подранные в паре мест. Любимые «Converse», вполне даже чистые. И футболка тоже свежая, утром достал из шкафа. Рюкзак на плече. Брит с утра, как уже отмечалось. Ах, да... прическа. Как бы Виктор ни стригся, разве что исключая «под ноль» с вариантами «под ноль плюс пара миллиметров», а это он пока не рисковал практиковать... Так вот, во всех прочих случаях любая стрижка на его голове выглядела так, будто он только что встал с постели. И ничего с этим Вик поделывать не мог. Да и не пытался особенно, его всё

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

устраивало и так. Но рядом с похожей на фотомодел ь Надей он выглядел... ну, совершенно не к месту!

— А это тебя не должно касаться. Это только наше дело, — холодно и ровно уронила Надя.

Интересно, к чему весь этот спектакль? Не похоже, чтобы их представление имело успех, Артур смотрит на них крайне недоверчиво.

— Витюша, я так по тебе соскучилась...

Зубы заныли... От ее сладкого тона... От ненавистного «Витюши»... От того, что сейчас произойдет...

— Я тоже, маленькая, — склонился он к ней.

И начал считать: один, два, три, четыре, пять, шесть... Только так возможно не потерять голову, когда они целуются. Это поцелуй-демонстрация, он ничего не значит для нее, она его исполняет равнодушно, но безукоризненно. А Виктор продолжает мысленно считать: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Лишь бы не дать себе поддаться теплоте ее губ, ее языку и теплomu дыханию, магии ее такого близкого, прижимающегося к нему тела. Не поддаться и не сорваться. Считай, Баженов, считай!

— Эй, ты! Ты что себе позволяешь! А ну, отвали!

На его плечo весьма недвусмысленно легла рука Артура. Самый поганый вариант. Еще и агрессивный клиент. Виктор оторвался от губ Надежды, вздохнул. Повернулся к прилипчивому поклоннику, одним движением задвинул Надьку за спину и... Наглец даже заметить ничего не успел толком — так занят был замахом с целью дать наглому куче-

ПОЗДНИЙ ЭКСПРЕСС

рявому в рожу. А спустя секунду сам оказался в весьма унижительном положении, согнувшись в три погибели, с больно завернутой за спину рукой. Зеленый пояс «карате шотокан» — это вам не шутки.

— Отпусти, придурок!

— Что скажешь, Надь?

— Отпусти его, Вектор.

Виктор разжал хватку.

Спустя минуту белый «мерседес-кабриолет» с пробуксовкой колес вылетел с парковки.

Виктор повернулся к Надежде.

— Обидели юношу... Такой удар по самолюбию... — Он потёр запястье. — Тебе не стыдно, королевишна? Когда перестанешь парням головы морочить?

— Если бы ты приехал в нормальном виде, — огрызнулась Надька, — ничего бы этого не было! Что, так трудно было надеть костюм? У тебя же есть, я знаю! И взять у отца «Ауди»?

— «Ауди» мамин, — меланхолично поправил Вик.

— Какая разница! Ты понял, о чем я!

— Я не успел.

— Тогда не жалуйся.

— А я и не жалуясь, — пожал он плечами. — Не он же мне наваял, а я ему. Я просто интересуюсь: сегодня я себе на кофе заработал?

— Пошли уже... — Надя царственным жестом поправила сумочку на плече. — Угощу тебя кофе. И даже мороженым.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

Виктор пропускает ее вперед. Он очень воспитанный молодой человек. И к тому же, помимо мороженого, он явно сегодня еще заработал себе бонус полюбоваться ее попкой, обтянутой то ли голубым, то ли зеленым платьем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Мужчина, когда притворяется, что влюблён,
старается быть весёлым, галантным,
оказывать всяческое внимание.
Но если он влюблён по-настоящему,
то похож на овцу.*
Агата Кристи. «Тайна голубого поезда»

Они знали друг друга всю жизнь. Наверное, даже с тех времен, о которых сами не помнили. Их родители дружили еще до их рождения. И выбора у них не было. Вместе играли на даче, пока родители занимались своими взрослыми делами. Вместе ходили на речку, вместе были покусаны пчелами сосе-